

КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1881 года

№ 4

28-го января.

Выходятъ еженедѣльно; цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкою; съ Воскреснымъ Чтеніемъ (выходитъ еженедѣльно) 7 руб.

За напечатаніе объявленій взимается плата за строку или ея мѣсто за 1 разъ по 20 коп., за каждый слѣдующій разъ по 10 коп.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

Вопросъ о малорусскомъ нарѣчій въ отношеніи къ штундизму. При возобновившихся въ послѣднее время толкахъ о малороссійскомъ нарѣчій, въ нѣкоторыхъ органахъ печати обнаружена попытка притянуть къ вопросу о немъ вопросъ о штундизмѣ и народныхъ школахъ въ Кіевской епархіи. Попытка бесполезная. Предположеніе, будто употребленіе малорусскаго нарѣчія можетъ быть главнымъ средствомъ къ ослабленію штундизма, можетъ родиться развѣ у тѣхъ, которые знаютъ о дѣлѣ по наслышкѣ издали. Какъ самое позвигновеніе штундизма въ южныхъ епархіяхъ ни въ какомъ отношеніи не обусловливалось запущенностію или запретностію малорусскаго нарѣчія, такъ и ослабленіе его нисколько не обусловилось бы широкимъ просторомъ для этого послѣдняго. Говорятъ, что штундизмъ не возникъ бы, не достигъ бы такой силы, если бы приходское духовенство держало себя въ большей близости къ народу, говорило съ нимъ, поучало его на родномъ, понятномъ ему языкѣ, каковъ въ южныхъ епархіяхъ—малорусскій языкъ. Если существеннымъ признакомъ или условіемъ близости къ народу считаютъ бесѣду съ нимъ на его родномъ языкѣ, нарѣчій, то извлечъ отсюда что либо въ объясненіе происхожденія штундизма можно развѣ съ большими натяжками. Забываютъ, что многочисленные секты старообрядства возникали тогда и тамъ, гдѣ духовенство говорило, и большею ча-

стю говоритъ совершенно такъ, какъ говоритъ народъ со всѣми оттѣнками мѣстныхъ говоровъ его. Старообрядство, скажутъ намъ,—особь статья. Хотя и во многихъ сектахъ старообрядства есть черты, аналогическія съ штундизмомъ, но мы оставимъ ихъ въ сторонѣ. Укажемъ на секты, имѣющія болѣе сходства съ штундистами, каковы духоборцы, молокане и другіе одного корня съ ними сектанты, состоящіе главнымъ образомъ изъ великоруссовъ, мѣстами перемѣшанныхъ съ малоруссами, но все таки съ преобладаніемъ первыхъ. Какъ лица изъ мѣстнаго приходскаго духовенства, имѣвшаго и имѣющаго дѣло съ ними, такъ и нарочитые миссіонеры, посылаемые къ сектантамъ, превосходно говорили и говорятъ съ ними однимъ общимъ русскимъ языкомъ. Но это обстоятельство не имѣетъ значенія въ результатахъ дѣятельности духовенства по отношенію къ сектантамъ, каковы ни бываютъ эти результаты т. е. благоприятныя или неблагоприятныя. Духоборцы, отворачиваясь отъ представителей церкви, людей русскихъ и говорящихъ съ ними чисто по русски, восприняли начатки своего ученія отъ людей не русскихъ, говорившихъ съ ними развѣ на ломанномъ русскомъ языкѣ. Да и наши штундисты не напрасно носятъ это названіе, хотя нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смышленные, чураются его. Штунду переняли они отъ нѣмецкихъ колонистовъ херсонской губерніи, съ которыми продолжаютъ вести сношенія, переписку (примѣры ея

мы видѣли), которыхъ посѣщаютъ и теперь, не брезгая ихъ нѣмецко-русскою рѣчью, нисколько не смущаясь, что это рѣчь не ихъ родная, не украинская, не народная. Говорятъ, будто наши сельскіе священники въ южныхъ епархіяхъ, напр. Киевской, не умѣютъ или не желаютъ объясняться съ народомъ, учить его на его родномъ украинскомъ нарѣчій. Это ложное утверженіе, повторяемое бессознательно, по невѣдѣнію, или сознательно, по недостатку правдивости, искренности. Чаще всего, обыкновеннѣе всего наши сельскіе священники говорятъ съ своими сельскими прихожанами именно на ихъ привычномъ, мѣстномъ нарѣчій, украинскомъ, говорятъ при всѣхъ случаяхъ обыденныхъ сношеній, при всѣхъ объясненіяхъ по поводу требосправленій и т. д. Молодые священники, отвыкшіе предъ тѣмъ отъ малорусской рѣчи во время школьнаго курса, въ первые годы своего священства не всегда принаравливаются къ народному говору, но и это не надолго. Слова, выраженія, обороты обще-русской рѣчи, неизбѣжны въ говорѣ этихъ и многихъ другихъ священниковъ, какъ людей съ извѣстнымъ образованіемъ, съ нѣкоторою начитанностію въ обще-русской литературѣ, нисколько не мѣшаютъ имъ быть понятными для своихъ прихожанъ. Не затрудняются понимать ихъ и быть понимаемыми въ средѣ ихъ и тѣ священники, которые говорятъ на чистомъ русскомъ или великорусскомъ языкѣ, каковы особенно священники изъ великорусовъ, по разнымъ случаямъ, оказавшіеся на приходахъ въ нашей епархіи. Скажутъ намъ, конечно, то, что бесѣда съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчій въ обыденной жизни недостаточна; надобно, чтобы священники бесѣдовали съ нимъ на этомъ нарѣчій и тогда, когда говорятъ о предметахъ вѣры, когда наставляютъ ихъ въ вѣрѣ. Но здѣсь мы прежде всего попросимъ обратить вниманіе на одинъ родъ духовно-учительныхъ бесѣдъ сельскихъ пастырей съ ихъ прихожанами: это бесѣды во время исповѣди. Многие изъ свѣтскаго образованнаго общества, быть можетъ, не имѣютъ представленія о значеніи этихъ бесѣдъ. А между тѣмъ оно велико. Нарядѣ нашъ вообще набоженъ, исповѣдь для него дѣло святое. Здѣсь вѣрующей поселянинъ открываетъ свое сердце, тайники своей души, ея скорби и тревоги. А потому и то, что говорится ему здѣсь исповѣдующимъ его пастыремъ идетъ къ его сердцу, ложится на душу. Лучшіе изъ сельскихъ пастырей имѣютъ добрый согласный съ уставомъ церкви, обычай сопровож-

дать исповѣдную бесѣду съ прихожанами наставленіями, внушеніями, совѣтами по поводу открываемыхъ имъ исповѣдующимися слабостей, грѣховъ, печалей и тревогъ душевныхъ. У другихъ подобныя наставленія дѣлаются, быть можетъ, заурядно, механически, холодно, что, конечно, достойно сожалѣнія, но холодность говорящаго согревается теплотой набожнаго настроенія слушающаго. Но какъ бы то ни было, важно для насъ здѣсь собственно то, что исповѣдь покаянія, при своемъ значеніи, какъ таинства, даетъ еще мѣсто духовно-учительнымъ бесѣдамъ пастырей съ прихожанами, бесѣдамъ самаго, такъ сказать, интимнаго свойства, имѣющимъ хотя и незримое, но важное религиозно-воспитательное значеніе. На какомъ же языкѣ бесѣдуютъ сельскіе священники съ прихожанами во время исповѣди? На томъ же, на какомъ и всегда бесѣдуютъ съ ними, т. е. на языкѣ или нарѣчій мѣстномъ, народномъ. А если такъ, то уже не вѣрно то, будто нашъ южно-русскій народъ не слышитъ религиозныхъ наставленій на своемъ родномъ нарѣчій, будто отъ этого онъ чувствуетъ себя неудовлетвореннымъ, и ищетъ религиозно-воспитательныхъ вліяній въ сторонѣ отъ церкви и священниковъ, напр. въ сектантскомъ учительствѣ штунды. Констатируемый нами фактъ, что наши сельскіе священники умѣютъ говорить, обыкновенно и говорятъ съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчій, не долженъ быть понятъ въ какомъ либо особенномъ, исключительномъ смыслѣ, напр. какъ признакъ ихъ украинофильства. Объ украинофильствѣ въ его своеобразныхъ притязаніяхъ они и не помышляютъ. Притязанія эти, на сколько они извѣстны и понятны сельскимъ священникамъ, предъ ихъ практическимъ взглядомъ на дѣло, не могутъ быть чѣмъ инымъ, какъ только мечтами. Бесѣдуя съ народомъ на его мѣстномъ нарѣчій, они не думаютъ отособлять его отъ общерусскаго языка, поощрять это отособленіе, поощрять отособленное развитіе нарѣчій; потому что знаютъ, чувствуютъ безцѣльность и бесплодность подобнаго притязанія. Они говорятъ съ народомъ на его нарѣчій, потому что теперь это еще удобно и нужно, неизбѣжно, но они знаютъ, что народъ хотя медленно, но все таки болѣе и болѣе усвоитъ и обще-русскую рѣчь, не чуждается ея, какъ какой либо несродной, непонятной ему, потому священники, принося, въ своихъ объясненіяхъ и бесѣдахъ съ народомъ, къ обычной малорусской рѣчи слова, обороты, выраженія изъ обще-русской рѣчи, какъ то было замѣ-

чено выше, хорошо чувствуют и сознают, что этим не дѣлается какое либо насиліе, стѣсненіе мѣстной народной рѣчи, а только восполняется ея скудость, очищается коренная народная стихія ея отъ приросшихъ къ ней чуждыхъ элементовъ, какъ напр. польскій, что наконецъ этимъ путемъ вырабатывается отчасти и то неизбѣжное сліяніе малорусской рѣчи съ обще-русскою, которое безповоротно рѣшено исторіею и есть только вопросъ времени, хотя и не очень близкаго. Этимъ отношеніемъ къ дѣлу объясняется и то, почему наши сельскіе священники, обыкновенно говоря съ народомъ на малорусскомъ нарѣчій, не думаютъ однако дѣлать это нарѣчіе *преобладающимъ органомъ церковной проповѣди.*

Проповѣди на малорусскомъ нарѣчій бывали у насъ издавна. Извѣстны опыты ихъ и въ печати, каковы напр. проповѣди прот. Гречулевича, изданныя уже давно сыномъ его, нынѣ преосвященнымъ Виталиемъ, епископомъ Острожскимъ, викаріемъ волынской епархіи. Есть, вѣроятно, и теперь священники, говорящіе поученія по малорусски. Но вообще они предпочитаютъ говорить на общерусскомъ языкѣ,—и это не по какому либо внѣшнему запрету на малорусскую рѣчь, а по убѣжденію, что здѣсь можно обойтись и безъ нея, что общерусская рѣчь для проповѣди даже удобнѣе малорусской. За это слышались отъ нѣкоторыхъ господъ упреки нашему сельскому духовенству. Оно, говорятъ, не даетъ народу слышать церковную проповѣдь на живой родной рѣчи его, проповѣдуетъ на мало понятномъ ему обще-русскомъ литературномъ языкѣ, почему народъ, не получая назиданія отъ церковной, пастырской проповѣди, ищетъ ее у своихъ народныхъ учителей, каковы напр. учителя штундизма. Эти упреки напрасны. Понятность, степень вліянія церковной проповѣди весьма мало могутъ зависеть отъ того, говорится ли она на малорусскомъ или общерусскомъ языкѣ. Несравненно важнѣе здѣсь другія условія, въ объясненіе которыхъ входитъ впрочемъ не станемъ, но которыя, полагаемъ, довольно ясны и для самаго сельскаго духовенства. вмѣсто всякихъ разсужденій припомнимъ хорошо извѣстный намъ примѣръ двухъ священниковъ-проповѣдниковъ на соѣднѣнныхъ сельскихъ приходяхъ, впрочемъ не въ Малороссіи, а Бѣлоруссіи. Одинъ изъ нихъ усердствовалъ говорить проповѣди на мѣстномъ бѣлорусскомъ нарѣчій и былъ неистощимъ въ этомъ подвигѣ. Другой говорилъ на обще-русскомъ языкѣ,

только не по книжному, безъ школьной схоластики, а просто, конечно также и правильно. Послѣдній былъ гораздо болѣе слушанъ и понимаемъ народомъ, чѣмъ первый. Совершенно тоже было бы и здѣсь въ Малороссіи. Не только позволительно, но и полезно сельскому священнику обращаться къ живой малорусской рѣчи для поясненій того, что въ его проповѣди можетъ казаться не понятнымъ; но господствующимъ языкомъ проповѣди долженъ быть также живой, родной, но имѣющій гораздо большую жизненную область обще-русскій языкъ. Проповѣдь не то, что частная бесѣда священника съ прихожаниномъ, хотя бы то и бесѣда на исповѣди. Проповѣдь должна имѣть общеобразующее христіанское вліяніе, расширяющее и возвышающее общій уровень религіознаго созерцанія и пониманія народа, а для этого она найдеть болѣе сильное орудіе въ простой, обще-русской рѣчи, чѣмъ въ областномъ нарѣчій, замкнутомъ въ тѣсныя рамки простонароднаго кругозора, не смотря даже на существованіе изящныхъ произведеній на этомъ нарѣчій. Иди далѣе, мы утверждаемъ, что нѣтъ также надобности пропагандировать въ народѣ евангеліе и другія священныя книги на малорусскомъ нарѣчій. Евангеліе въ томъ и насколько, въ чемъ и насколько оно понятно народу,—понятно для него въ русскомъ переводѣ. Малорусскій переводъ развѣ на весьма и весьма слабую долю прибавить этой понятности, такъ слабую, что изъ за нея не для чего и хлопотать объ этомъ, тѣмъ болѣе, что этотъ недостатокъ понятности, на сколько онъ зависитъ именно отъ языка, можетъ быть устраненъ объясненіями. Обращаясь здѣсь къ штундистамъ, укажемъ на тотъ не безъ извѣстный фактъ, что они читаютъ евангеліе на русскомъ языкѣ, по синодальному изданію и вовсе не чуждаются этого изданія *). Если они въ томъ или другомъ отношеніи не правильно толкуютъ евангеліе, то отнюдь не потому, что не понимаютъ языка евангелія. Тоже они будутъ дѣлать и съ евангеліемъ на малорусскомъ языкѣ. Гогорять, будто штундисты добываютъ себѣ евангеліе на

*) Мы знали въ Кіевѣ штундиста, проживавшаго здѣсь въ одномъ монастырѣ около года, куда онъ былъ присланъ для разуменія. Онъ постоянно читалъ русское евангеліе, и отпущенный на родину пріѣзжалъ потомъ въ Кіевъ для закупки не малаго количества экземпляровъ русскаго евангелія, для чтенія своимъ единовѣрцамъ, потому что, проживъ годъ на увѣщаніи, онъ все таки остался штундистомъ.

малорусскомъ языкѣ изъ сосѣдней Галиціи. Любопытно было бы провѣрить этотъ фактъ во всѣхъ обстоятельствахъ его, его условившихъ. Мы лично, сколько ни спрашивали объ этомъ, не могли дознаться о дѣлѣ настолько, чтобы убѣдиться, что это обращеніе за малорусскими изданіями въ Галицію исходитъ изъ неудовлетворенности русскимъ изданіемъ Евангелія, что оно можетъ даже принадлежать свободному почину самихъ штундистовъ *). Кромѣ Евангелія и священныхъ книгъ есть у штундистовъ и другія книжки и брошюры религиозно-нравственнаго содержанія, также духовные стихи и пѣсни. Нѣкоторую коллекцію ихъ намъ приходилось разсматривать. Всѣ они—не на малорусскомъ, а на русскомъ языкѣ, и получены большею частью отъ агентовъ изъ С.-Петербурга, составляя изданіе тамошнихъ протестанствующихъ кружковъ. Говорятъ, что штундисты отнюдь не брезгаютъ этими изданіями, хотя это и не малорусскія изданія. Даже молятся штундисты, какъ сказывали намъ, не по малорусски, а по русски или по славянски. Есть у насъ и образцы переписки штундистовъ между собою. Переписываются они опять не по малорусски, а по русски, хотя конечно съ большими ошибками по отношенію къ орфографіи, грамматикѣ. Только разговариваютъ они между собою, конечно, по народному по малорусски. Малорусская рѣчь, въ качествѣ органа церковной проповѣди, вообще церковнаго учительства, не можетъ быть особенно важнымъ средствомъ ни къ ослабленію штундизма, ни къ пресѣченію дальнѣйшаго распространенія его. Гораздо болѣе важны здѣсь другія средства. Охотно соглашаемся, что наши замѣчанія по поводу попытокъ связать вопросъ о малорусскомъ языкѣ съ вопросомъ о штундизмѣ, касаются дѣла лишь съ самыхъ общихъ сторонъ, не заходя въ его подробности. Но въѣдъ такой же характеръ общихъ, чисто теоретическихъ сужденій имѣеть и все то, что недавно стали говорить въ нѣкоторыхъ органахъ

печати по поводу предполагаемой связи возникновенія и развитія штундизма съ запретностію или запущенностію малорусскаго языка. Если искатели этой связи скажутъ намъ что нибудь болѣе положительное, основанное на опытѣ, на живой дѣятельности; то мы не опустимъ принять это къ свѣдѣнію и для повѣрки.

Славянофилы и нашъ церковный вопросъ *). По церковнымъ собственно дѣламъ нашимъ славянофилы выступили въ первый разъ съ своими заявленіями въ лицѣ Д. Θ. Самарина, брата знаменитаго покойника славянофила Ю. Θ. Самарина, въ декабрѣ 1879 года на московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Д. Θ. Самаринъ предлагалъ московскому земству, въ видахъ возвышенія религиозно-нравственнаго образованія народа, ходатайствовать предъ правительствомъ объ отмиѣнѣ распоряженія о закрытіи малыхъ приходовъ и припискѣ ихъ церквей къ другимъ, и съ своей стороны позаботиться объ увеличеніи жалованья священникамъ-законоучителямъ сельскихъ школъ за ихъ трудъ до 1 рубля за урокъ. Основаніями предложенія выставлены были съ одной стороны важное значеніе церквей, какъ училищъ благочестія, а съ другой несправедливость требовать отъ священниковъ-законоучителей усерднаго труда при плохой за него платѣ. Въ тоже время В. Ю. Скалонъ, о принадлежности коего къ славянофильской партіи намъ неизвѣстно, заявилъ о необходимости вывести служителей церкви—приходское духовенство изъ его униженнаго положенія, посредствомъ улучшенія его матеріальнаго быта, и пригласилъ представителей земства принести свою ленту на это дѣло. Чтоже вышло? Московское губернское земское собраніе, состоящее навѣрное въ громадномъ большинствѣ изъ столбовыхъ дворянъ, богатыхъ помѣщиковъ, единогласно одобрило оба предложенія г. Самарина, мало того, выказало большую охоту толковать о программѣ и лучшихъ приемахъ преподаванія закона Божія въ народныхъ школахъ, пока кто то не охладилъ усердія ораторовъ указаніемъ на ихъ некомпетентность въ этомъ дѣлѣ, и столь же рѣшительно отклонило предложеніе В. Ю. Скалона, подъ предлогомъ особой важности предмета, требующаго серьезнаго обсужденія. Рѣшеніе нѣсколько странное въ глазахъ тѣхъ, кто обращаетъ вниманіе не на фразы,

*) Впрочемъ, не полагаясь на слухи, мы очень просили бы священниковъ или другихъ лицъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ штундистами, собрать болѣе точныя свѣдѣнія, на сколько у штундистовъ въ ходу малорусскія изданія евангелія если оно есть, а также и откуда и какъ добыты они. Само собою разумѣется, что собраніе такихъ свѣдѣній отнюдь не должно имѣть цѣлю—какое бы то ни было преслѣдованіе этихъ изданій, преслѣдованіе это было бы не разумнымъ, не цѣлесообразнымъ дѣломъ. Сообщенія о малорусскихъ изданіяхъ евангелія у штундистовъ мы охотно дадимъ мѣсто на страницахъ „Еп. Вѣдомостей“.

*) См. № 3.

а на реальные вещи: предложѣнія г. Самарина или вовсе не требовали жертвъ со стороны достопочтенныхъ земскихъ представителей (первое предложѣніе) или требовали такъ мало, что и говорить не стоило (прибавка жалованья законоучителямъ народныхъ школъ; да и прибавка эта могла пойти въ пользу свѣтскихъ законоучителей, о замѣнѣ коими священниковъ усердно подымали рѣчь другія земства). И какое горячее усердіе къ религиозно-нравственному образованію народа! Пригласили ихъ къ принесенію лепты, и слышатся нынѣ пѣсни, раздаются рѣчи объ особенной важности предмета, требующаго серьезнаго обсужденія, но не вызваваго послѣдняго, а устранившаго совсѣмъ самый вопросъ, такъ несвоевременно поднятый В. Ю. Скалономъ и такъ напугавшій усердныхъ земцевъ. Конечно, кто привыкъ усердіе къ вѣрѣ или отечеству измѣрять реальными жертвами (пожертвованіями имуществомъ, трудомъ, предрассудками сословными и иными, наконецъ своею личностію), а не высокопарными рѣчами или добрыми пожеланіями, коими вымощенъ адъ, тому усердіе московскихъ земцевъ не покажется цѣнно и даже напомнитъ собою ревность римскихъ вельможъ временъ республики, не вѣровавшихъ ни въ Божество, ни въ безсмертіе души, но заботливо поддерживавшихъ вѣру въ старыхъ національныхъ боговъ въ простомъ народѣ... по соображеніямъ совсѣмъ не идеальнаго свойства, тотъ невольно подумаетъ, что въ этой исторіи славянофилъ, пожалуй, послужилъ той внутренней жи, которая такъ противна славянофильству.

Ровно черезъ годъ тотъ-же Д. Θ Самаринъ и также въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи провелъ предложѣнія, затрогивающія уже гораздо глубже нашу церковную жизнь, можно сказать перестанавливающія центръ тяжести въ ней. Поводъ къ предложѣніямъ былъ замѣчательный: В. Ю. Скалонъ личность, всегда возвышающая свой голосъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ о благотворительности, соединенной съ жертвами, и объ уваженіи къ чувствамъ и правамъ людей, хотя бы и раскольниковъ,—въ виду голодовки настоящей зимы, предлагая ассигновать изъ продовольственнаго капитала извѣстную сумму для выдачи безвозвратныхъ пособій нуждающимся, но предложѣніе это было отклонено большинствомъ 22 голосовъ противъ 11*). Тогда-то и выступилъ г.

Самаринъ съ своимъ заявленіемъ, сущность коего состояла въ слѣдующемъ: „предложѣніе гласнаго Скалона было де отклонено не потому, чтобы собраніе думало высказываться въ принципѣ противъ благотворительности, а потому, что предложѣніе это не было обставлено достаточными гарантіями того, что деньги, которыя могли быть ассигнованы, получать желаемое назначеніе“. Нужда въ благотворительности будетъ всегда и потому дѣло благотворенія требуетъ не только правильной, но и постоянно-дѣйствующей организаціи“. „Конечно, земскія и городскія учрежденія могутъ отчасти исполнить и эту задачу, но задача земства по преимуществу хозяйственная, экономическая, а не благотворительная. Нужно найти такое учрежденіе, которое бы стояло близко къ народу, для котораго благотворительность была бы вполне естественною, вытекала бы изъ самой идеи, одушевляющей это учрежденіе. Единственная общественная единица, вполне удовлетворяющая этой задачѣ, есть приходъ“. Но въ какихъ условіяхъ находится приходъ? Въ самыхъ неблагопріятныхъ. Приходъ въ смыслѣ юридическаго лица не признается закономъ. Онъ не можетъ пріобрѣтать имущества; хотя каждый прихожанинъ можетъ отдавать на церковь пожертвованіе, но законъ не обезпечиваетъ жертвователя въ томъ, что его пожертвованіе останется при той церкви, для которой сдѣлано, а указываетъ, что оно составляетъ достояніе всей церкви. Имѣетъ ли приходъ право завѣдывать имуществомъ церковнымъ? Онъ имѣетъ право избирать старосту, но староста не отвѣчаетъ предъ приходомъ за свою дѣятельность, а является лицомъ чиновнымъ, отвѣтственнымъ только предъ епархіальнымъ начальствомъ. Имѣетъ ли приходъ право рекомендовать хорошаго человѣка въ священника? Нѣтъ. А между тѣмъ это право прихода древнее и признавалось за приходомъ до начала настоящаго столѣтія. За тѣмъ слѣдуетъ ссылка на инструкцію благочиннымъ митрополита Московскаго Платона». На всемъ Востокѣ право избранія священника принадлежитъ приходу. Чтобы въ приходѣ снова возникла жизнь и получила правильное теченіе, необходимо признать за приходомъ это право“, а то теперь священники «стоятъ внѣ всякаго нравственнаго воздѣйствія со стороны прихода. При этомъ г. Самаринъ указалъ на печальные примѣры борьбы со старостами церковными и т. п.» Тогда къ приходу можно было бы пріурочить и дѣло благотворительности. Тогда, увѣряетъ г. Самаринъ „и церковь, которую мы исповѣдуемъ соборною, получить условія полнаго единомыслія и единодушія“.

*) Передаемъ дѣло по разсказу о дебатахъ Московскаго губернскаго земскаго собранія, помѣщенному въ № 352-мъ „Московскихъ Вѣдомостей“ за 1880 годъ.

Тогда будет все хорошо, потому что „правильное развитие церковной жизни въ этой первичной единицѣ (приходѣ) должно отразиться на жизни всей церкви“. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній г. Самаринъ и предлагаетъ московскому, губернскому земскому собранію «ходатайствовать о томъ: а, чтобы приходы, въ смыслъ приходскихъ обществъ, были признаны за юридическія лица; б, чтобы было установлено древнее право приходовъ избирать людей честныхъ и достойныхъ въ должность священниковъ, настоятелей къ ихъ церквамъ и представлять о томъ заручныя прошенія мѣстному епископу; в, чтобы за приходомъ признано было право всякими, закономъ дозволенными средствами, приобретать и укрѣплять за собою имущества какъ движимыя, такъ и недвижимыя; г, чтобы имущество каждой приход. церкви было признано за неотъемлемую ея собственность и чтобы оно находилось въ завѣдываніи мѣстнаго приходскаго общества и д, чтобы въ этомъ смыслѣ дарована была организація приходскимъ обществамъ какъ городскимъ, такъ и сельскимъ, причѣмъ само собою разумѣется, что къ этимъ обществамъ не должны быть принудительно привлекаемы раскольники, живущіе въ приходѣ, хотя бы они официально въ немъ и числились«. Предложеніе г. Самарина земскимъ собраніемъ, того же состава, что и въ 1879 году, было принято единогласно.

Не будемъ пока обсуждать это предложеніе г. Самарина по существу; оставимъ подробный разборъ до полной сгруппированія всѣхъ деталей предлагаемой славянофилами церковной реформы. Но не можемъ никакъ не обратить здѣсь же вниманіе на странность, можно сказать двусмысленность въ цѣломъ всей этой исторіи съ предложеніемъ г. Самарина. Голодовка въ народѣ, требующая немедленной помощи и именно отъ земства, несомнѣнно обязаннаго это сдѣлать по закону, не смотря на ораторскіе пріемы г. Самарина, усилившагося обязанность эту поставить въ тѣни. Но ораторъ, а за нимъ и земство ставятъ вопросъ будтобы шире,—они имѣютъ въ виду организовать дѣло благотворительности на все будущее время, за исключеніемъ только настоящей голодной поры, забывая очевидно великорусскую пословицу: „лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ“ и другую—малорусскую: „поки солнце зійде, роса очи выистъ“. Но земство приняло видъ Ивана, кивающаго на Петра: вонъ-моль чье это дѣло, благотворительность—прихода, и затѣмъ заботливо устраиваетъ дѣла этого Петра. Общааетъ ли по крайней мѣрѣ земство, слѣдомъ за ораторомъ, во

исполненіе своей обязанности, хоть на будущее время придти на помощь приходу въ нелегкомъ дѣлѣ благотворенія? Объ этомъ ни слова; вѣроятно потому, что, по мнѣнію Ивана (т. е. земства), Петръ-то (приходъ) богатъ; только его деньги по существующимъ законоположеніямъ идутъ не туда, куда желаетъ ихъ направить первый. За то какое усердіе на слова и соображенія въ ревности по вѣрѣ и церкви! Спросимъ также, по какому это идеалистическому пониманію вещей назначеніе на мѣсто и смѣщеніе, равняющіяся въ данномъ случаѣ подачѣ и лишенію куска хлѣба, выходятъ нравственнымъ воздѣйствіемъ? Послѣ этого пожалуй и социалысты скажутъ, что предлагая общій грабежъ собственности, они имѣютъ въ виду нравственное воздѣйствіе на собственниковъ! Не удивляемся въ этой исторіи земцамъ, давно уже своими дѣйствіями пріучившимъ читающихъ газеты ничему не удивляться. Но г. Самаринъ?... но славянофилъ?... о, приснопамятные отцы славянофильства! Нашли ли бы вы ту внутреннюю правду, которую вы такъ пламенно любите, которую вы прежде всего искали во всемъ, даже въ томъ, что на взглядъ кажется красивымъ и благонамѣреннымъ?

Ужъ славянофилъ ли Д. Θ. Самаринъ, не смотря на кровную свою близость къ Ю. Θ. Самарину? Въдъ упоминаетъ же французскій писатель о Россіи Леруа-Болье о какомъ-то князѣ, родственникѣ Самаринныхъ, бывшемъ настолько же отъявленнымъ крѣпостникомъ, насколько ревностнымъ защитникомъ свободы крестьянъ былъ незабвенный Ю. Θ. Самаринъ. Но нѣтъ... славянофильство г. Самарина остается внѣ всякаго сомнѣнія, послѣ того какъ И. С. Аксаковъ съ восторгомъ привѣтствовалъ вышеприведенное постановленіе московскаго земства въ 7-мъ № своей „Руси“. Стало быть, въ предложеніи г. Самарина мы должны видѣть общее дѣло представителей славянофильства. Стало быть... нѣтъ намъ жаль на счетъ представителей славянофильства записать двусмысленность условій, окружавшихъ предложеніе г. Самарина. Но обратимся къ заявленіямъ И. С. Аксакова.

Еще прежде засѣданій московскаго земства И. С. Аксаковъ высказался въ «Руси» противъ бюрократизма, чиновничества и казенщины, обувшихъ будто-бы русскую церковь реформъ Петра Великаго, причѣмъ высшихъ іерарховъ онъ сравнилъ съ саванниками свѣтской бюрократіи, а простое духовенство—съ мелкими чиновниками. Въ добавокъ онъ выразилъ недоумѣніе при видѣ стремленій низшаго ду-

ховенства оградить себя отъ возможнаго произвола сверху юридическими формальностями, находя ихъ не соответствующими духу церковной жизни, въ коей все должно-де опредѣляться чувствомъ любви, а не регламентаціей. Конечно, подобныя рѣчи не новость въ славянофильской партіи и по своей общности не даютъ спорнаго пункта для обсуждения ихъ съ практической стороны. За то стоитъ напечатлѣть въ памяти мысль о несоотвѣтствіи духу церковной жизни внѣшней регламентаціи, впрочемъ только потому, что И. С. Аксаковъ слишкомъ скоро забылъ объ ней.

Что-же такое въ самомъ дѣлѣ, какъ не полная переимѣна фронта это одобреніе И. С. Аксаковымъ въ 7-мъ № „Руси“ постановленій московскаго губернскаго земскаго собранія, да еще и съ приглашеніемъ другихъ земствъ послѣдовать примѣру московскаго, такъ какъ ходатайство этого послѣдняго имѣеть цѣлю именно установленіе новыхъ законовъ въ области церковной жизни, къ тому же еще посредствомъ вторженія мірскаго руки въ церковныя отношенія? Впрочемъ и въ самой передовой статьѣ № 7 въ рѣчи о необходимости признанія за приходомъ права юридической личности, прямо сказано: „Очевидно, что право прихода въ области дѣлъ „міра сего“—должно быть ограждено закономъ“. Но не будемъ пока ни обсуждать, ни тѣмъ болѣе осуждать эту переимѣну фронта—послѣднее потому, что мы считаемъ ложною въ основѣ именно прежнюю мысль И. С. Аксакова, какъ будто добрые законы представляютъ помѣху добрымъ чувствамъ или возвышеннымъ идеямъ—, такъ какъ теперь наша задача извлечь и сгруппировать всѣ мысли о церковныхъ дѣлахъ, высказанныя въ послѣднемъ заявленіи И. С. Аксакова.

Прежде всего укажемъ на одно важное, очень даже важное дополненіе къ проекту г. Самарина и московскаго земства, сдѣланное И. С. Аксаковымъ, хотя, по видимому, болѣе подобротъ сердечной, чѣмъ по сознанию каноническаго и культурнаго значенія его. Тогда какъ въ первомъ приходе въ экономическомъ отношеніи и въ дѣлахъ благотворительности представляются совершенно изолированными другъ отъ друга и отъ всей церкви, мало того высказана особенная антипатія къ закону, признающему-де пожертвованіе, сдѣланное въ пользу той или другой приходской церкви, достояніемъ всей церкви, И. С. Аксаковъ не упускаетъ изъ виду и идею единства церкви. „Само собою понятно“, говоритъ онъ, «что тѣ дѣла, гдѣ необходимо совокупное дѣйствіе всѣхъ

приходовъ какой-либо епархіи, могутъ и должны быть разсматриваемы и вершаемы на *епархіальномъ съѣздѣ или соборѣ* представителей всѣхъ приходоу какъ причта, такъ и мірянъ“. Въ связи съ этой идеей стоитъ и указаніе на то, что „едвали не всѣ предметы вѣднія“ съѣздовъ духовенства „подлежатъ вѣднію, наравнѣ съ причтомъ, и прочихъ членовъ церкви-мірянъ, въ одинаковой съ нимъ степени заинтересованныхъ и въ избраніи добрыхъ благочинныхъ, и въ процвѣтаніи духовныхъ учебныхъ учрежденій“. Значеніе этого дополненія къ московскому проекту будетъ нами разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

Далѣе укажемъ на защиту въ „Руси“ московскаго земскаго проекта противъ „либераловъ“, начитавшихся „въ разныхъ книжкахъ о властолюбіи духовенства, объ его значеніи, какъ цѣлой общественной, нравственно-господствующей стихіи“, и противъ людей, держащихся „вообще извѣстнаго воззрѣнія на религію только какъ на „субъективное“ какое-то произвольное чувство, въ родѣ личнаго вкуса, лишенное серіознаго значенія въ общественной жизни. „Изъ нихъ первые, по словамъ И. С. Аксакова, въ ожидаемомъ имъ отъ осуществленія московскаго земскаго проекта оживленіи у насъ церковности, „въ смыслѣ дѣятельнаго отношенія вѣрующаго къ церкви, какъ ея сына и члена“, могутъ-де пожадуи увидѣть возникновеніе «клерикальнаго вопроса въ Россіи» и «культурной борьбы», а вторые уже высказываютъ «боязнъ, чтобъ приходская община не упрядила и не замѣстила собою крестьянской общины и самоуправленія и не обратилась сама въ нѣмецкій кирхшпиль». Тѣмъ и другимъ „Русь“ указываетъ, что „стихія церковности, объемлющая не одну іерархію, но и мірянъ или народъ, и есть именно самое сильное противодѣйствіе вредному преобладанію начала клерикальнаго, отвѣчая въ тоже время требованіямъ самой истины, зиждущей церковь. Въ самой природѣ православной церковности, прибавляетъ „Русь“, нѣтъ никакихъ началъ антагонизма и раздора между пастырями и паствою, между клиромъ и мірянами,—и если этотъ антагонизмъ, не какъ случайное, частное явленіе, а какъ начало и вѣдрнется-де въ послѣднее время, такъ опять-таки благодаря вторженію иноземныхъ началъ при Петрѣ Великомъ и его преемникахъ“. Вторымъ специально „Русь“ отвѣчаетъ, что опасность искусственнаго смѣшенія прихода и сельской общины предотвращена въ ходатайствѣ московскаго земства, но что съ другой стороны не было бы и бѣды въ томъ,

если бы крестьяне разных деревень, тамъ гдѣ границы прихода и волости совпадаютъ, „сходясь выѣстѣ къ обѣднѣ, могли по окончаніи обѣдни, вершить и общественныя свои дѣла“. Будьте-де увѣрены, присовокупляетъ „Русь“, что «общинный міръ, какъ вѣва тому назадъ, такъ и теперь судить и рядилъ бы всегда независимо отъ церковнаго причта и *никогда бы не дозволилъ ему* вступиться въ свои мірскія дѣла. Да и причту, можно навѣрное поручиться, такого притязанія никогда и въ голову не входило.

Впрочемъ, по мнѣнію самаго И. С. Аксакова, «всѣ приведенныя возраженія противъ возстановленія приходскихъ единицъ и признанія ихъ юридическими лицами сами по себѣ бессильны, и не они помѣшаютъ успѣху ходатайства московскаго земства—мнѣне, замѣтимъ, вполне справедливое, а почему? укажемъ ниже, но ужъ во всякомъ случаѣ не потому, почему думаетъ И. С. Аксаковъ. Отъ кого же онъ ждетъ оппозицій? „Развѣ отъ той части духовенства, которая уже заразилась—не клерикализмомъ, нѣтъ! а духомъ и вкусомъ бюрократизма, казенщины и чиновничества; въ частности главнымъ образомъ съ высшаго духовенства, которое „чуждаясь соборной стихіи, составляющей неотъемлемое свойство нашей церкви, а прильбившись къ западу“ на отношенія пастырей къ паствѣ смотритъ съ ревнивой точки зрѣнія, какъ на отношеніе начальниковъ (въ новомъ изданіи платоновской инструкціи благочиннымъ епископы прямо названы епархіальными начальниками) къ подчиненнымъ“, а за тѣмъ отъ нѣкоторыхъ изъ среды столичнаго блага духовенства, находящихя подъ воздѣйствіемъ „новыхъ влѣяній“ и проникнутыхъ вреднымъ духомъ «корпорации, ревностію по той особенноти, которую вздумали было ее надѣлать въ послѣднюю пору и которая уже привела къ такимъ печальнымъ столкновеніямъ между церковными старостами, прихожанами и священниками, какія мы видѣли и съ истиннымъ прискорбіемъ еще продолжаемъ видѣть здѣсь въ Москвѣ.

Замѣтимъ и нѣкоторыя заявленія и мысли И. С. Аксакова, лишь косвенно относящіяся къ дѣлу: похвалу жизненности церковности у старообрядцевъ, сильной не только вслѣдствіе долгой замкнутости и сплоченности ихъ религиозныхъ общинъ, но, главнымъ образомъ, вслѣдствіе живучихъ у нихъ могучихъ преданій давней, еще цѣльной русской старины; мысль, будто безличность (т. е. отсутствіе правъ) парализовала церковныя Попечительства; наконецъ увѣреніе, будто *правильное* разрѣшеніе трудной задачи объ обезпеченіи блага духовенства въ

Россіи, выѣстѣ съ устраненіемъ тѣхъ формъ обезпеченія, которыми тяготятся и лучшіе священники и прихожане,—задачи, ради которой тысячи храмовъ закрыто и снятыя тысячъ людей затруднено посѣщеніе церковной службы,—возможно только съ возрожденіемъ жизни приходовъ, какъ самостоятельныхъ юридически признанныхъ общинъ“.

Въ заключеніе укажемъ на благодушный, радостный, праздничный можно сказать тонъ всего заявленія И. С. Аксакова, производящій доброе впечатлѣніе искренностію рѣчи и намѣреній и ревностію по вѣрѣ. Видно, что авторъ заявленія не желаетъ обиды никому и вполне надѣется, что ее и не будетъ. Видно, что онъ ожидаетъ отъ похваляемаго и благословляемаго имъ постановленія московскаго губернскаго собранія чрезвычайно многого и весьма благотворнаго для вѣры и церкви, ожидаетъ „обновленія церковной жизни чрезъ приливъ народной религиозной стихіи—упраздненія (какой-то) мерзости запустѣнія, гнѣздящей въ мѣстѣ святѣ“.

При видѣ такого благодушія и праздничности тона заявленія И. С. Аксакова, при видѣ его несомнѣнной, нелицемерной ревности ко благу церкви и русскаго народа, право же жалко становится подвергать серьезной критикѣ то, что доставило ему такую радость и возбудило такія блистательныя надежды, жаль освѣщать это сведеніемъ его изъ сферы высокопарныхъ фразъ и возвышенныхъ идей общаго характера на почву реальныхъ вещей и реальныхъ отношеній между людьми. А что какъ окажется тогда, что надежды не имѣютъ никакого реального основанія, что проэктъ московскаго земства не только не упразднитъ мерзости запустѣнія, царящей на мѣстѣ святѣ, но и усугубитъ ее, да еще и преобразивъ обманно видъ ея во образъ ангела свѣтла? Но это необходимо сдѣлать... хотя бы то изъ любви и уваженія къ внутренней правдѣ, лежащихъ въ корнѣ славянофильства.

Итакъ, при существующихъ въ Россіи церковныхъ и гражданскихъ отношеніяхъ, какое вліяніе окажетъ осуществленіе проэкта московскаго земства, принятаго по инициативѣ представителей славянофильства, на нашу церковную и гражданскую жизнь? Возвыситъ ли онъ силу и дѣятельность *истинно-христіанскаго духа* (съ намѣреніемъ подчеркиваемъ эти слова) въ нашей церковной жизни? Это будетъ первымъ и самымъ главнымъ вопросомъ въ нашей критикѣ московскаго земскаго проэкта. Конечно, по поводу его намъ придется коснуться болѣе или менѣе серьезно и многихъ другихъ вещей—правди-

ности, напр. фактических указаний въ рѣчи Д. Ѳ. Самарина и въ заявленіяхъ И. С. Аксакова, вѣрности пониманія современными представителями славянофильства основъ славянофильскаго ученія и т. п., необходимо будетъ также указать, какой строй приходской и епархіальной жизни наиболее соответствуетъ этимъ основамъ и, если не ошибаемя, благу церкви и русскаго народа.

(Продолженіе будетъ).

Рѣчь при погребеніи члена церковно-приходскаго Попечительства въ с. Нов.-Греблѣ, берд. уѣзда.

Четыре почти уже года, какъ я у васъ на приходѣ, православные! Не одинъ изъ васъ десятковъ душъ, и старыхъ и малыхъ, пришлось мнѣ за это время проводить въ замогильный покой. Провожалъ я и тѣхъ и другихъ обыкновенными молитвословіями церковными; усопшаго же, нынѣ лежащаго, раба Божія *Іосифа*, я счелъ пастьерскимъ долгомъ проводить въ загробную жизнь еще и отъ себя нѣсколькими напутственными словами.

Миръ душѣ твоей и покой вѣчный, почившій собрать нашъ о Христѣ, не мало лѣтъ служившій сему св. храму, какъ членъ церковнаго Попечительства, и какъ вообще добрый прихожанинъ, принимавшій близко къ своему сердцу его нужды*). Какъ настоятель сего св. храма, и какъ руководящій дѣйствіями церковно-приходскаго Попечительства, отъ всей души благодарю тебя за всѣ труды твои, которые понесъ ты въ своей должности. Труды твои извѣстны и безъ напоминанія всѣмъ твоимъ соприхожанамъ. Последнимъ плодомъ ихъ было то, что при твоёмъ усердномъ стараніи, какъ члена Попечительства, сооруженъ и прекрасный, подобающій именно благолѣпному дому Божія, иконостасъ сей, предъ которымъ ты теперь лежишь бездыханнымъ въ своемъ гробѣ**). Господь нашъ І.

*) Покойный, и прежде отличавшійся всегда усердіемъ къ церкви, въ послѣднее время, кромѣ члена Попечительства, проходилъ еще должность и церковнаго *ключника*, оставленную имъ не задолго до смерти, по случаю болѣзни, въ должности же члена Попечительства онъ считался по день самой смерти своей.

**) Иконостасъ сей, построенный исключительно на средства одного Попечительства, въ сельскомъ 6 кл. приходѣ можно назвать роскошью. Онъ стоитъ 2200 р. Кромѣ искусной работы и позолоты, всѣ св. иконы в. изящной живописи, писаны *собственноручно* кiev. гражд. *Мажнымъ*, извѣстнымъ своею добросовѣстною работою и по др. церквамъ бердич. и сквир. уѣздовъ.

Христось, обѣщавшій не забыть и малаго труда любви во имя Его, да наградитъ тебя за это на праведномъ Судѣ Своемъ.

Не могу также, братіе мои, умолчать предъ Вами и о той прекрасной чертѣ въ жизни почившаго, по которой Онъ, какъ послушный и усердный сынъ матери нашей церкви, всегда съ любовью и почти неопустительно посѣщалъ всѣ ея богослуженія. Душа его, полная любви ко святынь дому Господню, всегда *утреневала къ храму Святому сему*. Бывало, какъ рано, даже къ заутрени въ зимнее время, не приду и послѣ звона церковнаго, въ Божій храмъ, кого и кого нѣтъ еще въ церкви, а почтенный старецъ, нынѣ почившій, рабъ Божій *Іосифъ* уже стоитъ, еще часто въ сумрачномъ углу церковномъ, и шепчетъ уже свою молитву сердечную... Вѣрно крѣпко по душѣ прилились покойному, и мною часто въ проповѣдяхъ церковныхъ припоминавшіеся вамъ слова Боголюбиваго пророка и царя Давида: *коль возлюблена селенія твоя Господи силъ! желаетъ и скончается душа моя съ двory Господни*.—Радость и утѣшеніе для моего сердца, пристанище и упокоеніе для души моей, подобно какъ гнѣздо для горлицы пустынной, *Олтари твоя, Господи силъ, Царю мой и Божие мой!* Вотъ вамъ, возлюбленные и еще примѣръ, и еще назиданіе отъ жизни почившаго. Правда, къ утѣшенію моему, вы, почти всѣ, усердны къ храму Божію, но почившій все таки и въ этомъ случаѣ служилъ для васъ лучшимъ примѣромъ.

Что же сказать о почившемъ вообще, какъ о человѣкѣ? Скажу, и этимъ нисколько не отступлю отъ правды, что почившій, насколько я самъ зналъ его, отличался особенною кротостію и тихостію нрава—добродѣтельною сколько достолюбезною, столь, къ сожалѣнію, и рѣдкою теперь, въ нашъ вѣкъ самолюбивый и своекорыстный... И вотъ и еще черта изъ жизни почившаго, достойная вашего подражанія! Ибо сколько, какъ я доподлинно знаю, бываетъ между вами ссоръ, тяжбъ, а иногда и дракъ рѣшительно изъ—за пустяковъ!.. Не таковъ былъ почившій вашъ собрать. Онъ готовъ былъ скорѣе усугубить свое, чѣмъ войти съ кѣмъ въ ссору, *лишь бы*, какъ онъ самъ говаривалъ, *лихо было тихо*.. Вѣренъ былъ и въ этомъ случаѣ почившій слову Божію. *Научитесь отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обратите покой душамъ вашимъ* (Матѣ. 11, 29), сказалъ самъ Спаситель. Дѣйствительно, души кроткія и смиренныя,

по самому уже свойству своему, пользуясь возможным спокойствіемъ еще здѣсь на землѣ (говоримъ возможнымъ, ибо совершенный покой не тутъ, а тамъ!...), сподобляется, по неложному общанію Божію, и вѣчнаго блаженнѣйшаго покоя на небѣ; ибо *блажени кротчїи, яко тїи наследятъ землю*, т. е. царствіе небесное. *Аминь.*

С. Нов. Гребли Свяц. *Григорій Шиманскій.*

Поясненіе касательно постоялаго двора въ оградѣ кїево-софійскаго собора. (Помѣщенное въ 15 № газеты „Заря“). Въ одномъ изъ номеровъ „Зари“ за 1880 годъ напечатано, что въ оградѣ софійскаго собора, въ принадлежащемъ собору зданіи, помѣщается кабакъ подъ вывѣской „трактиръ“, при чемъ сдѣланы разныя замѣчанія о неприличїи кабака въ церковной оградѣ. Статья о семъ перепечатана нынѣ и въ № 8 москов. газеты „Русь“ съ новыми замѣчаніями по сему предмету, направленными противъ соборнаго причта.

Въ этомъ извѣстїи вѣрно только то, что по Троицкой улицѣ, въ сѣверовосточномъ углу софійской ограды, имѣется постоянный дворъ, извѣстный подъ именемъ «софійскихъ номеровъ», отдѣленный отъ соборнаго двора двумя усадьбами, изъ которыхъ въ одной—садъ и домъ соборнаго причта, а въ другой—кузница съ экипажной мастерской, и что въ одномъ изъ номеровъ этого постоялаго двора, отстоящаго отъ соборнаго погоста на 30 сажень, между будочной и бакалейной лавкой, помѣщается

харчевня подъ титуломъ „трактиръ“, обращенная фасомъ на троїцкую улицу и отстоящая отъ софійскаго собора на 60 сажень. Постоялый этотъ дворъ софійскому собору не принадлежитъ и въ вѣдѣніи соборнаго причта не состоитъ.

Каедральный протоіерей софійскаго собора *П. Лебединцевъ.*

Замѣтка достоважаемаго о. протоіерея достаточно объясняетъ сущность дѣла. Въ поясненіе послѣднихъ словъ въ замѣткѣ присовокупимъ, что помѣщенія, о которыхъ здѣсь рѣчь, принадлежатъ экономіи митрополитанскаго дома, имѣвшей не одинъ разъ и не мало хлопотъ съ ихъ наемщиками и обитателями. Была уже высказываема мысль объ устраненіи подобнаго рода наймовъ, доставляющихъ экономіи гораздо болѣе хлопотъ, даже неприятныхъ, чѣмъ выгоду. Но за этою мыслию всегда могла выступить другая—о томъ, какое могло бы быть дано назначеніе указанной мѣстности, находящейся въ весьма благоприятныхъ условіяхъ, но теряющей цѣну, даже тяготящей экономію по своей давней и крайней запущенности. Возможно впрочемъ, что совокупными усиліями экономіи и представителей каедральнаго причта, которымъ очень подручно принять участіе въ завѣдываніи означенною мѣстностію, найдется способъ обратить ее на какое либо полезное епархїальное учрежденіе при каедральномъ соборѣ.

Профессоръ *И. Малышевскій.*

Содержаніе Трудовъ Кїевской Духовной Академіи за январь 1881 года: I. Блаженнаго Августина, епископа иппонійскаго (въ русскомъ переводѣ) О градѣ Божіемъ, книга восьмая 1—60. II. Изъ чтеній по догматическому богословію. *Архимандрита Сильвестра.* 2—58. III. Происхожденіе человѣка. *Θ. С. Орнатскаго.* 59—79. IV. Несторїи и Евтихїи, ересїархи V-го вѣка. *Амедея Тьерри.* 80—110. V. Двадцатилѣтіе журнала „Труды Кїевской Духовной Академіи“ (1860—1879 гг.). *И. Н. Королькова.* 111—123. VI Извѣстія церковно-археологическаго Общества при Кїевской Академіи (за ноябрь 1880 г.). *Н. И. Петрова.* 124—130. *Въ Приложенїи:* V. Протоколы засѣданій Совѣта Кїевской Академіи (16 и 28 августа, 1 сентября 1880 г.). 1—32. VI. Объявленія.

Содержаніе:—*Часть неофициальная.*—Вопросъ о малорусскомъ парѣчїи въ отношеніи къ штундизму.—Славянофилы и нашъ церковный вопросъ.—Рѣчь при погребеніи члена церковно-приходскаго Попечительства въ с. Нов. Гребли.—Поясненіе касательно постоялаго двора въ оградѣ кїево-софійскаго собора.

Вышелъ въ свѣтъ № 4 Воскреснаго Чтенія. Содержаніе его слѣдующее: Быть или не быть? (Продолженіе).—Святитель Григорій Богословъ.